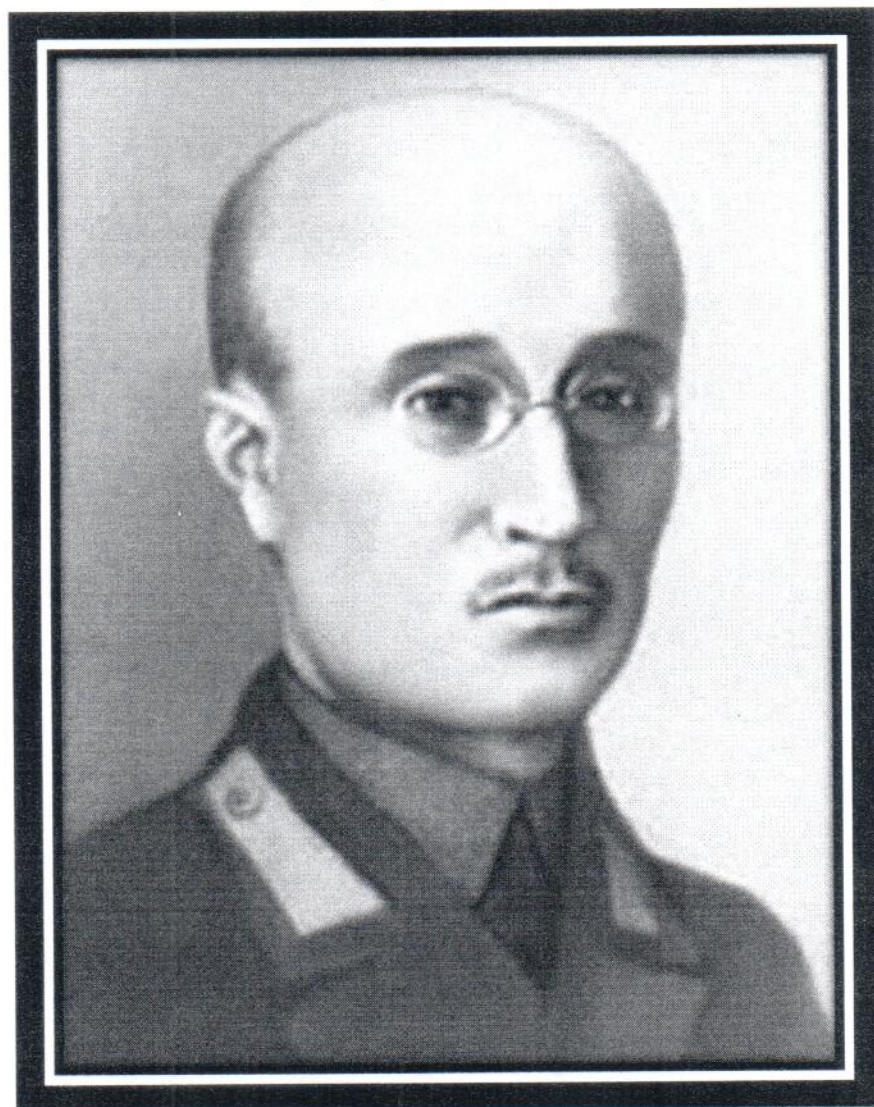

ГКОУ «Бабаюртовская средняя школа-интернат №11»

Проектная работа Халидова Тимурлана
ученика 4-б класса

Буйнакский Уллубий Даниялович

(1890-1919)

Биография

Буйнакский действительно родился в 1890 году в селении Большой Бойнак, теперь Махачкалинского района, а до революции входившее в Темир-Хан-Шуринский округ. Отец его, чиновник из беков, непризнанных полудворян, служил по администрации на незначительных должностях.

По имеющимся у нас данным, крупные "акулы" – родственники Уллубия, кровные беки при дележе родового имущества сумели небольшого чинушу Данияла Буйнакского обделить так, что тот только имел возможность на существование, а когда умер отец, и остался крохотный сын Уллубий, его уже целиком проглотили "милые родственники" по всем бекским традициям: не щадить слабого ни близкого, ни дальнего. Спасением для мальчика оказался пансион Темир-Хан-Шуринского реального училища, куда его приняли благодаря службе отца. Товарищи, учившиеся с ним и знавшие его в ученические годы, рассказывают, что в подготовительном классе реального училища, куда определили Буйнакского, он был самым маленьким и по возрасту и по внешнему виду. Товарищ Н. Султанов рассказывает о том, как в пансионе не могли подобрать Уллубию форменного костюмчика и как комично выглядел он в больших сапогах, огромном казённом картузе, закрывавшем глаза, и в длинной блузе до колен.

Мальчуган был шустрый, шалун, но способный. Будучи сам крошечным, он производил столько шума в классе, что учителя останавливали его замечаниями:

– Буйнакский, ты буйный! Такой маленький и так много шумишь!

С переходом в первый класс он был переброшен в город Ставрополь в мужскую гимназию, где существовали казённые стипендии для горских детей и где старый режим пытался, бронируя от жизни, в стенах пансиона готовить прислужников своей инородческой политике на Кавказе. Но как раз Ставропольская гимназия больше всех подвела старый режим и горько посмеялась над ним. Она оказалась, не в пример Темир-Хан-Шуринскому реальному училищу с его горским пансионом, чуть ли не революционным очагом. В 1906 году, за не в меру усердное участие в революционном движении учащихся, пансион при Ставропольской гимназии был закрыт, и все ученики, в качестве штрафных, были разбросаны по другим учебным заведениям. В итоге таковой операции Буйнакский попадает в Тифлисскую гимназию, где обучается с 5-го класса по 8-й, и кончает ее в 1910 году.

Окончив гимназию и поступив в Московский университет по юридическому факультету. Почти ежедневно можно было встретить Буйнакского или в фундаментальной библиотеке университета, или в библиотеке Румянцевского музея за толстыми фолиантами книг и журналов, за материалами о Кавказе и Дагестане. Но не успел он пробыть в университете и одного года, как начались, так называемые тогда, "студенческие беспорядки", в которых Уллубий не мог не принять, по складу своего характера, участия.

В связи с этим у него возникает мысль о поездке за границу, – хотя бы в ближайшую к Кавказу Турцию, – для продолжения образования. С помощью товарищей набирается некоторая сумма денег, достается письмо к одному из профессоров Константинопольского университета, и Буйнакский выезжает из России. Однако, не успев доехать даже до Константинополя, чуть ли не из Эрзерума, он возвращается обратно в Тифлис. Порядки дореволюционной Турции удручающе подействовали на него, и он решает, что в такой стране невозможно не только учиться, но и жить. Вернуться в Тифлис обратно в его положении безработного, выгнанного из университета и высланного полицией студента, значило влачить полуголодное существование, но энергичный и нетребовательный в отношении жизненных благ Уллубий решительно отказывается от помощи богатых родственников и живет грошевыми заработками на даваемые уроки.

– Лучше умру голодной смертью, чем обращаться к этим буржуям-сановникам, – пишет он к одному из своих друзей.

Так, между голодом и холодом, в погоне за уроками, не покидая, однако, работы над собой, жизнью репетитора живет он до 1914 года, когда при помощи профессора Московского университета Гидулянова, интересовавшегося Дагестаном и имевшего научные работы по Дагестану, Уллубию удается поступить вновь на юридический факультет Московского

университета. В Москве одновременно с учебой он зарывается вновь в общественную работу в студенческих организациях. Не выходя из обстановки хронического недоедания в течение последних лет, Буйнакский в этот период выглядел чрезвычайно истощенным и болезненным. Это обстоятельство, однако, не мешало ему долею своих студенческих заработков делиться между братьями по голодовке. Ибрагим Алиев рассказывает об одном трогательном эпизоде такого дележа.

– Однажды,– вспоминает Алиев, – после посещения Уллубием моей комнатухи, я обнаружил у себя в пальто некоторую сумму денег. Удивленный находкой, я долго не мог себе объяснить происхождение денег, пока, наконец, не выяснилось, что нищенствующий Буйнакский, узнав, что в те дни я сидел без гроша, не решаясь открыто предложить свои копейки, вложил их в карман моего пальто потихоньку.

В таких приблизительно условиях застает Уллубия в Москве февральская революция.

Подготовленный уже предшествующими годами к восприятию революции и еще в 1916 году в своих речах призывавший мобилизованных студентов Петровско-Разумовской академии обратить свое оружие против существующего строя, Уллубий весь отдается революционному движению, являясь на первых порах в Москве одним из организаторов отрядов по борьбе с контрреволюцией. Однако после первых же "пьяных" месяцев февраля потянуло на Кавказ, в Дагестан посмотреть, а то и самому "сделать" самую революцию.

Так во второй половине 1917 года трое студентов-москвичей, будущих коммунаров: Уллубий Буйнакский, Гарун Саидов и Ибрагим Алиев со своим тощим багажишкой очутились на вокзале тогдашнего Порт-Петровска.

Уллубий, не задерживаясь в Петровске, прибыл в своей знаменитой чёрной крылатке (порыжевшая от времени суконная накидка с капюшоном) в Темир-Хан-Шуру, когда-то тихую-тихую, а теперь пытавшуюся революционизироваться. К его приему тут же развертывались вовсю бои дагестанской Социалистической группы с шариатским блоком дагестанских помещиков, буржуа и духовенства. Орган шариатского блока-Дагестанский национальный комитет и его шуринский подголосок – Джамиатул исламиэ (Общество исламистов) уже организовывали национальную милицию для защиты интересов своих и сочленов. Крестьяне готовились к захвату помещичьих земель и только ждали удобного случая. На Социалистическую группу и вообще на социалистов "вешали всех собак", обвиняя их во всех смертных грехах, нарушающих "лучшие добродетели ислама".

"– Они и вероотступники, они и против шариата, они за общность жен и дележ их, они, в общем, хуже всякого гяура неверного и убить одного из них все равно, что убить сорок гяуров в бою и прямо живехоньким влететь в рай".

Уллубий понимал, что в обстановке тогдашней Темир-Хан-Шуры и шариатского воя в горах идти с большевистскими лозунгами в массу без всякой опоры кругом – значило бы, в лучшем случае, погибнуть и при том без всякого политического эффекта. Поэтому некоторое время он пытался вообще сдерживаться и в политическую жизнь активно не вмешиваться. Но выдержки хватило не надолго. В сентябре месяце он перебрался в Петровск-Порт, чтобы с головой окунуться в самую гущу политических событий.

Мещанская чиновничья Шура не могла отвечать ни в какой степени настроениям Уллубия. Была и другая причина переезда в Петровск. В то время как в Шуре против Национального комитета вела довольно успешную борьбу Дагестанская социалистическая группа, в Петровске образовался по главе с кулаками Таркинского участка и мусульманской городской буржуазией так называемый Народный мусульманский комитет, пытавшийся представлять и действовать в революции от имени местного крестьянства. Революционные организации Петровска через слуховое окошко получили явно превратное представление о пульсе жизни крестьянского населения, окружающего город. Отчасти под влиянием этого освещения строилась крестьянская политика. Вот против этого "красивого зеркала" революции и был направлен первый удар Уллубия в Петровске.

Совместно с местной группой большевиков: Ибрагимом Алиевым, Джалалэдином Атаевым, Джамалэдином Магомедовым (умер в тюрьме в 1919 году), Гаруном Саидовым и

Гамидом Далгат он повел наступление и успешной агитацией и верной постановкой вопроса сумел добиться перевыборов комитета и захватить комитет в большевистские руки.

В своем новом составе Комитет мог уже с гордостью носить звание "народного", но и Народный комитет все же не был самоцелью Уллубия и возглавляемой им группы. Мусульманским комитетом нужно было овладеть только для того, чтобы через некоторое время его закрыть как рупор мусульманской буржуазии, пытавшейся говорить от имени крестьянства.

Наиболее верным способом для этого, при невозможности действовать вооруженной силой, было мирное овладение Комитетом с расчетом, чтобы затем, повесив замок, поставить крест на существовании и самого Комитета.

Под флагом Комитета удалось все же однажды оказать услугу и Дагестанской социалистической группе в Шуре. В январе 1918 года на Темир-Хан-Шуру нагрянули Нажмутдин Гоцинский и Узун-Хаджи с десятидюсячной армией горцев для провозглашения имамата Гоцинского. От имени Народного комитета был сколочен отряд из Таркинского участка и с красными флагами в противовес зеленым Гоцинского прибыл в Шуру. Петровские революционные организации, по тактическим соображениям -боязни национального антагонизма, не решались вмешиваться вооруженной силой в этот поход Гоцинского и потому был выпущен на сцену Народный комитет, от имени которого происходила как вербовка отряда, так и посылка его в Шуру. Помощь эта свою роль, в смысле перелома настроений прибывших с Узун-Хаджи горцев, сыграла. Но вернувшемуся с этого "похода" Уллубию стала уже с несомненностью ясна необходимость организации своей вооруженной силы, без чего революция не могла сделать ни одного шага вперед.

Оказалось, что в Дагестане контрреволюция раньше поняла смысл революции и успешно заблаговременно вооружалась. Революционному лагерю надо было, не мешкая, следовать за противником и тоже спешно вооружаться и противопоставить бекской милиции, имамским войскам и дагестанским конным полкам с их офицерством свою вооруженную силу.

В Петровском Военно-революционном комитете, возникшем в декабре 1917 года по инициативе местной большевистской группы во главе с т. Буйнакским, был поставлен и разрешен в положительном смысле вопрос о необходимости организации постоянных воинских частей.

Став во главе Военно-революционного комитета и чувствуя на себе тяжелейшую ответственность, Уллубий энергично, но продуманно, ведет работу по большевизации, в первую очередь, города, а затем и пригородных аулов Таркинского участка. Правда, за "повешенный" замок на мусульманском комитете Уллубию изрядно досталось от национальной буржуазии, кулачества, но при создавшейся обстановке враг был бессилен что-либо сделать против совершившегося факта.

Основной задачей Военно-революционного комитета стала организация вооруженной силы. Из тактических соображений решено было приступить к организации интернационального полка, состоявшего из всех национальностей с преобладанием горцев. Средства и оружие частью получались из Баку от Военно-революционного комитета, а частью изыскивались в Петровске путем обложения буржуазии и предприятий. Была установлена связь с близлежащими советскими организациями Астрахани, Ставрополя и Баку. Был отобран печатный орган у городской думы, который, будучи переименован в "Дагестанского труженика", стал органом Военно-революционного комитета.

Уже в марте месяце 1918 года стал намечаться поход шариатского блока на Петровск и на Военно-революционный комитет. Закрытие Мусульманского народного и организация Военно-революционного комитета, формирование интернационального полка, вмешательство в частную собственность (текстильная фабрика и проч.), - все это записывалось петровской мусульманской буржуазией во главе с шталмейстером двора его величества Асельдер-беком Казаналиповым на проскрипционную доску и имелось в виду в удобный момент призвать зарвавшихся "мальчишек" к ответу.

Этого-то и боялась больше всего петровская мусульманская буржуазия, которая обо всех "бесчинствах" петровских большевиков ежедневно информировала Дагестанский национальный комитет, находившийся в Шуре, подгоняя его на антибольшевистский поход

горцами Дагестана надо было обставить наиболее безболезненно. Уллубий отбирает в Петровске из своего отряда наиболее надежные в отношении дисциплины части, преимущественно из татарской молодежи, и в Шуре, живущей ожиданиями большевистских ужасов, появляется вполне мирный отряд "мусульманской молодежи" и притом в фесках.

Как-то не приходило в голову в той обстановке спросить Уллубия, как появились фески на красногвардейцах? Действительно ли это обычный наряд татарской молодежи или они были специально приурочены для Дагестана? Помнится только, как сам Уллубий говорил, ласково и мудро улыбаясь:

– Ждали с востока, из Турции фески, а мы дали с севера.

Но впечатление, во всяком случае, было огромное. Сразу разрядилась обстановка накаленности и наладилась прерванная было связь между аулом и городом.

– Раз в фесках, так и большевики не страшны, почти свои.

И шли в город за хабарами новыми, сногшибательными.

Организовав в Шуре Областной Военно-революционный комитет, Уллубий сам остался в Петровске, считая, что он должен остаться там, как в узловом пункте возможных конфликтов и взаимного непонимания. Во главе областной власти с большим успехом, по его мнению, могли стать представители Дагестанской социалистической группы, как и более опытные, так и более известные широким массам населения, поскольку сама Социалистическая группа стояла на советской платформе. Несмотря на то, что руководители группы в тот момент были вне Шуры (Махач Дахадаев был в Закавказье, а Коркмасов в Терской области – выручал несколько десятков тысяч баранты дагестанского крестьянства), в Военно-революционный комитет и, в частности, в его президиум был влит весь состав Социалистической группы. До приезда Коркмасова временным председателем был назначен Магомед-Мирза Хизроев, а Гарун Саидов и Тахо-Годи – его заместителями. Кстати: примерно через неделю вернулся Махач, а затем и Коркмасов с вырученной барантой, и за Шуру можно было быть спокойным.

В вопросе конструирования областной власти Уллубию пришлось истратить много энергии с руководителями отряда и фракцией большевиков. Те никак не могли понять, почему власть организуется не из большевиков, а из "неопределенной" Дагестанской социалистической группы. Только Уллубий своей тактичностью и мудростью безболезненно провел этот вопрос. За все время Советской власти этого периода в течение полугода Уллубий всё время являлся арбитром, буфером между Петровском и Шурой. Первый напор, бурное недовольство Петровского гарнизона, тогда составляющего общественное мнение воинских частей, Уллубий принимал на себя.

Помнится случай, когда мы с Коркмасовым приехали в Петровск за оружием, которое исполкомом было отпущено, гарнизон, вызвав Уллубия на свое собрание во дворе женской гимназии по Инженерной улице, закатил такой концерт, что, казалось, из этой атмосферы живым не выйдешь. Только удивительное спокойствие Уллубия, сумевшего в мирных тонах дать необходимые объяснения, разрядили обстановку гарнизонного собрания, обвешанного бомбами и гранатами. Тогда ведь каждый красногвардеец представлял целый пороховой погреб и мог взорваться и взорвать других с не меньшей, чем склад или погреб, силой.

Умиротворять бушующее море красногвардейцев в 1918 году, – а что это значило, может понять только очевидец, – бедному Уллубию приходилось чуть ли не каждый день. И эту обязанность он нес с присущей ему мудростью и, по крайней мере, наружным спокойствием и неизменной лаской во взоре, смотрящем прямо в душу человека.

Каких нервов и усилий ему это стоило, мог сказать только он. И при всем этом, для всех очевидно, что играя основную руководящую роль в советизации Дагестана, он умел оставаться в тени, как самый рядовой работник. Солдатская шинель, фуражка, стянутый по-горски стан... Уллубий был тот же красногвардеец, живущий таким же спартанцем, как и остальные бойцы.

Петровский исполком занимал дом Крайнева по Бассейной ул. В доме, до занятия его под Исполком, жил хан Тарковский, который, убегая, оставил в квартире чудеснейшие и мягчайшие пуховые постели. Приехавши в Петровск за оружием, мы с Коркмасовым удостоились ханских перин, но не могли уговорить Уллубия лечь туда. Он бросил тут же в комнате, где стояли эти роскошные кровати, свою шинелишку, подложил что-то под голову и,

займется об их государственном бытии. Иные иронизировали над правительством, называя его правительством республики "разъединенных горцев".

Работники Советского Дагестана, ликвидированного в августе 1918 года, оставшиеся живыми после убийства Махача Дахадаева, жили в Дагестане частью в глубоком подполье, частью полулегально.

До приезда Уллубия центром дагестанского подполья являлось с. Кумторкала, около которого скрывался Дж. Коркмасов. Туда же заявился впервые и тов. Уллубий, где имел свидание с тов. Джелалом. С приездом Уллубия работа приняла иной оборот. Из состояния статического подполья жизнь принимает динамические формы. Оформляется партийная организация. Создается Дагестанский областной комитет большевиков, председателем которого Уллубий. Создается Военный Совет по организации вооруженных сил, и начинается планомерная работа по подготовке восстания и захвата власти, приуроченная к открытию навигации – к весне 1919 года. На этот раз на долю Уллубия выпала задача несколько иного рода. В период первой советизации в 1918 году под рукой была уже готовая вооруженная сила; дагестанское правительство в лице Областного исполнительного комитета само ушло, оставив столицу Советам, и тогда вопрос шел просто о конструировании органов Советской власти, охвате ими населения. Тут же надо было организовать и самую военную силу для захвата власти, и подготовить население к этому захвату и, вдобавок, разложить армию противника, чтобы уменьшить количество боевых схваток на случай вооруженного столкновения. Задача грандиозная, требующая сил и мыслей не одного десятка руководителей. К тому же время не медлило. Приближалась весна. В апреле открывалась навигация. Надо было быть готовым к этому моменту, когда вымпелы советской федерации покажутся на горизонте Каспия, дабы встретить их соответствующим образом.

И Уллубий развивает, казалось, несвойственную ему, человеку, похожему более на кабинетного мыслителя, энергию. Он летает под носом у агентов Горского правительства через Шуру в Чиркей, Доргели, Кадар, Кумторкалу, Казанище и т. д. Повсюду организована живая связь аулов с аулами, явки, тройки, которые своей цепью начинают охватывать почти половину активного Дагестана. Созываются пленумы Областного комитета партии, Военного совета: куётся Красная Армия, разлагаются войска Горского правительства, и дело доходит до того, что чуть ли не половина этих войск уже числится в списках Красной Армии.

Душа всей работы – молодой Уллубий со своей неизменной ласковой искоркой в глазах. Помнится одно из наших свиданий этого периода. Это было приблизительно в середине апреля 1919 года. В селении Казанище собирался Областной комитет партии, и я вместе с Коркмасовым приехал специально повидаться с Уллубием перед своим отъездом в Даргинский округ на работу по организации "троек" и "пятерок". На этот раз он был особенно радостный. Был солнечный день, и на балконе дома одного из казанищенских товарищей мы беседовали с ним о перспективах.

Какими они у него были розовыми! Почти все готово! Со дня на день ждем сообщения о выходе флота из Астрахани! Уже получены сведения, что флот выходит, вышел, и чуть ли не на следующий день должен быть на рейде Петровского порта!

Я покинул его бодрый и радостный, сам зараженный искоркой его горения, и через несколько дней выехал в округ.

Туда, в самый разгар организационной работы, пришла убийственная весть об аресте Уллубия...

Не хотелось верить. Хотелось отмахнуться от сообщения, но приехали люди и подтвердили факт ареста.

Люди, называвшие себя горскими националистами и самостийниками, в последний момент хозяйничанья в составе Горского правительства, в память потомству не пожелали оставить ничего лучшего, как предательство интересов трудящихся своей страны. Председатель правительства Пшемахо Коцев, подавший в отставку, уже после своего заявления на другой день санкционировал арест Буйнакского!

Еще бы! Перед ним стоял вопрос о том, кто явится на смену ему – большевики или добровольцы, массы или генералитет.

Ясно, он выбрал генералитет: их превосходительства, поцелуй пухлых ручек генералов и декольте по поясу, звон шпор и бокалов, красные лампасы, где он, бывший "президент", будет в почетном долгожданном плену, да еще с ореолом героя, уничтожившего гидру большевизма, – он предпочел стихийному восстанию крестьянской бедноты, красногвардейскому штыку, направленному в президентскую сторону.

Но известно, что долг всегда красен платежом. Коцев не ошибся расчетом. В награду за предательство он получил почетный титул "поставщика конского состава добровольческой армии". Интересы класса и коневодческое происхождение президента республики были удовлетворены, – тем более, что и цены поставки были "сходные" для обеих сторон.

II

Наметив схему короткой жизни и революционной деятельности тов. Буйнаковского, вплоть до его ареста, прежде чем перейти к его дальнейшей судьбе, нам хотелось бы остановиться на наброске внутреннего мира тов. Уллубия и попытаться дать, хотя бы также схематически, наброску его духовного строя. Мы думаем, что нас простят, если для этого нам придется чуточку приоткрыть край и его интимной жизни, так как все данные, имеющиеся в нашем распоряжении, состоят исключительно из писем Уллубия к любимой им девушке-горянке. Письма эти нам с трудом удалось получить и с еще большим трудом буквально вынудить держателя их дать разрешение на опубликование некоторых выдержек из писем. Этим правом мы и пользуемся в данный момент.

Странное дело! Я перелистываю сейчас все эти семнадцать написанных химическим карандашом, четким убористым закругленным бисером, писем Уллубия до ареста и после ареста, из тюрьмы, и думаю о том, каким удивительным человеком он был. Как будто письма к любимой женщине писаны от бестелесного к бестелесной. Ни одного настоящего, как мы привыкли называть, любовного письма! Но все письма согреты любовью...

Из семнадцати писем все семнадцать посвящены вопросам борьбы и коммунизма. Из них в восьми говорится и о любви, но в тонах таких, как будто автор имеет дело с тончайшими изделиями, одно неосторожное прикосновение к которым может разрушить целое произведение искусства. В некоторые вкраплены и другие моменты, дополняющие облик Уллубия. Все суждения в письмах идут по линии большевизации любимой девушки на все сто процентов, без всяких "мостиков" позади. Перебросить ее в лагерь тех, кто жертвует собой во имя общего. Сделать ее из "без пяти минут большевички" – "стопроцентной, чистопробной" – вот стержень всех писем, согретых любовью и лаской, но говорящих о самых жгучих, нестареющих вопросах общественности и жизни.

Неопределенные стремления любимой девушки "ко всему хорошему" он старается оформить и дать им конкретный революционный выход²⁾. (См. письмо третье).

"...буде вы сумеете кое-что сделать – делайте, но помните, мы, большевики, не молим, не просим контрреволюционеров, – мы заставляем их делать, что мы хотим".

Следующее письмо затрагивает вопросы программного характера, не решенные многими коммунистами для себя еще и поныне, и потому я привожу его почти целиком. В этом письме Уллубий отвечает своему адресату на выставленные им положения.

"1) Коммунизм "от корки до корки" или особый коммунизм для нашего народа".

"2) Я люблю свой народ от Магомы до Хасбулата".

"3) Я готов за всех страдать" (См. письмо второе).

Думается, что в этих суждениях, относящихся, заметьте, к весне 1919 года, немало поучительного и для нашего времени и не только для одних молодых коммунистов.

А вот продолжение и развитие вопроса, затронутого в предыдущем письме, о любви к своему народу. Это письмо написано из Петровской тюрьмы уже несколько месяцев спустя после первого и датировано 17 июля, – то есть уже после приговора, в ожидании казни. (См. письмо одиннадцатое).

И как бы отдавая дань личному после суждений об общем, кончает:

...Если задумаюсь и замечтаюсь, то только о тебе, о смерти совсем не думаю, как будто ее и не существует".

Но, по-видимому, и того минимума "личного", что позволяет он в своих теоретических суждениях в этом письме, он не позволяет в жизни себе лично. Быть скупым в отношении себя, скупым до жестокости – вот его особенность. Даже любовь, которую он на протяжении своих 29 лет испытывает впервые, он корректирует сознанием. Одно из писем его из тюрьмы начинается стихом Алексея Толстого "Коль любить, так без рассудку" и продолжает словами.

"– Правда ли это. Так ли это должно быть? Я думаю, что это в нынешние времена требует коррективы... Терять рассудок так, чтобы творить выходящее из круга моих убеждений, стремлений? Нет! Я определенно тебе скажу, что любовь, как бы она ни была сильна, должна несколько соответствовать моему мировоззрению, в противном случае я должен буду или вырвать ее из груди своей, или погибнуть".

Горячо любя девушку и признаваясь ей впервые, он боится и спешит предупредить, чтобы она знала, что и в случае ее отказа в любви – она и он останутся друзьями – сестрой и братом. (См. письмо пятое).

Письма выдают всю боль истосковавшейся по любви души. Но и при этом страстном желании иметь друга, он решает, что "если найду себя неспособным на счастье, дать счастье любимому существу, то я уйду, должен уйти с его пути".

Но, как неисправимый борец и политик, свою, даже личную любовь он связывает с мировой революцией.

"Я человек неисправимый, – пишет он, – не могу ни о чём думать, ничего желать, когда что-нибудь меня захватывает. Борьба наша близится к концу, весь мир объят пламенем пожара, нет уголка, где не было бы зарева нашего огня. И вот в такую минуту не только интересно, но любознательно, именно любознательно слышать, в унисон ли бьётся сердце человека, которого, может быть, больше чем только уважаешь".

И о лучших своих чувствах к любимому существу решается признаться целиком и полностью только перед смертью из тюрьмы. А когда мелькнет луч надежды на жизнь, он, как бы стыдясь своей минутной слабости, извиняется, просит прощения. (См. письмо десятое).

Сам мятежный, он во всем хочет видеть дух борьбы. Весной 1919 года, радостный по случаю освобождения арестованных товарищей, он готов "революционизировать" даже день самой "святой" пасхи. (См. письмо четвертое).

"Шлю также тебе привет в такой христианско-мифологический день (пасхи). Ведь, что ни говорите, идея воскрешения сама по себе удивительно красива. Мятащийся дух Человека не хочет уничтожения, не желает быть прахом и вот, будучи слабо вооружен, он не нашел ничего другого, как красиво обмануть себя. Ум человека, толкаемый немолчным духом, создает образы дивно-захватывающие. Пусть наука доказывает, что такого воскрешения нет и не может быть, но она, наука, всегда красоту достойно отмечает. Итак, долой все религиозные путы и заблуждения, да здравствует устремленность и беспокойство духа человеческого!"

И поэтому не случайно для его мятежной натуры, когда из тюрьмы он пишет:

"Знаете, никогда себя не испытывал я в таком подавленном состоянии, как в день, когда нас заковали". (См. письмо десятое). И чем дальше, тем больший протест против сиденья за железной решеткой в кандалах, когда столько сил и возможностей, слышится в его письмах.

"Ужасно то, – пишет он, – что весна, цветы, кругом должна кипеть работа, а я сижу в одиночке, без солнца, почти без воздуха".

И это в то время, когда тут, рядом, в Дагестане, так называемое правительство горцев ведет политику расслабления, развращения психологии дагестанского народа. (См. письмо седьмое).

Успокоение только в победных вестях, идущих с севера, где буйно носится по необъятным российским равнинам красный стяг советской федерации.

"Вчера и сегодня, – пишет он из тюрьмы уже 18 июля, – мы получили массу сведений из газет и записками. Это так радостно. (См. письмо двенадцатое).

На этом мы закончим просмотр писем тов. Буйнакского и обратимся к дальнейшему ходу событий.

III

После утверждения приказа об аресте Уллубия отставным президентом Пшемахо Коцевым, дом, в котором собрался Военный совет по Апшеронской (ныне Дахадаевской) улице,

